

ПРОФЕССИЯ
ДЕТЕКТИВ

Анатолий КОВАЛЕВ:

ГОНОРАР ЗА ПЕРВУЮ КНИГУ Я ОТДАЛ БАНДИТАМ

Некоторые писатели быстро находят путь к сердцу читателя, но большинство идет к признанию долго, через годы и книги. Анатолий Ковалев не считает себя баловнем судьбы, хотя знатоки детектива его романы выделяли всегда.

Сергей БОРИСОВ

— Сколько книг в вашем активе?

— Девять. «Охота на ангелочка», «Татуировщик», «Гильотина» и две трилогии — «Кровавый источник» и «Шаровая молния».

— Названия самые что ни на есть детективные.

— Вообще-то с этим у меня проблема. Иногда проще написать роман, чем дать ему название. Издатели капризничают. Понять их и можно (им книги продавать), и невозможно одновременно, потому что логику в их рассуждениях я обнаружить не могу.

— А в издательской политике?

— Специалистом по ней не являюсь. Наблюдаю со стороны и прихожу к выводу, что всем заправляет мода. То одни зарубежные детективы, то исключительно российские. То требуют трупов и секса, теперь маятник полетел в обратную сторону — поменьше крови, насилия...

— Это же здорово! А то говорят, книга без насилия никому не интересна, мол, отражение действительности...

— Так ведь действительность разная! Думаю, сегодня, ну, завтра будут иметь успех семейно-бытовые романы. Может быть, и я попытаю силы, тем более что есть кое-какой опыт. Я ведь первую книгу начал писать еще в 12 лет. Рукопись до сих пор лежит в ящике стола. Это немножко автобиографический и при этом юмористический, с еврейским «акцентом», роман.

— Но интрига в нем, конечно же, есть.

— Безусловно. Без интриги скучно. У меня и пьесы такие... Когда я учился в Литинституте у Розова и Вишневской, пьесы писал. Их у меня восемь, и все с полудетективным сюжетом, под Пристли.

— А где они, эти пьесы?

— Там же, где первый роман, — в столе. Я их никому не показывал. Просто проба пера, но от них был всего лишь шаг до детектива.

— Он трудный самый?

— Я тяжело влезал в жанр, рамки которого казались слишком узкими. Но потом ничего, обжился. Хотя меня все время куда-то заносит, а это издателям не нравится. Один из них как-то сказал, что я пытаюсь соединить коммерческую литературу с «нетленкой». Я: «А как же Диккенс, Дюма, тот же Пристли?» Он: «Вы слишком большое внимание уделяете разработке характеров, из-за этого хромает динамика...» Короче, надо «резать»!

— Есть и другие издательства, «элитарные».

— Они все ударились в постмодернизм. А я модернизмом давно переболел. Еще на филфаке Уральского университета. Там все писали стихи... Как-то одна девушка с негодованием возвращает мне мои вирши: «Это плагиат! Гумилев!» Я растерялся. Тогда, в 80-м, я и не знал такого поэта. Девушка принесла перепечатанные на машинке стихи Гумилева, и я убедился, что совпадают не только строчки, но даже четверостишия! Мистика какая-то, у меня и сейчас нет тому объяснения... Но как бы то ни было, постепенно я отказался от всяческих новаций, реализм мне ближе.

— Рецидивов не бывает?

— Был случай. Я приступал к «Гильотине», к роману с французским колоритом. Перечитал Бальзака, Мопассана, наконец, Пруста. И... попал под его обаяние. Начал писать, и придаточные предложения так из меня и посыпались. Показал первые 60 страниц жене. Она пришла в ужас: «Это не ты! Я с тобой разведусь! Я хочу жить с самостоятельным и талантливым человеком».

Сергей ФАДЕЕВ

— Какая у вас непростая семейная жизнь.

— С Аней (популярный автор детективов Анна Мальшева. — С. Б.) приходится держать планку. Ее книги знают и любят, в 1999 году она даже была признана Писателем года. Это она посоветовала мне попробовать себя в детективе и очень помогала на первых порах. Мне же главное — лечь на правильный курс, потом меня не собьешь, я ведь флегматик, а они люди упорные и рассудочные. Хотя и не всегда. Когда я познакомился с Анной, то совсем ошалел от любви. Оставил все: родной Свердловск, работу, се-

мью — и начал жизнь заново в тридцать три года. А ведь, казалось бы, совсем не подходящие друг другу люди. Она же сангвиник! Мы и пишем по-разному: Аня дает себе задание на каждый день и выполняет его, а я свои обещания всегда нарушаю. И на рок-концертах — разные (мы не пропускаем ни одного заметного выступления): она — эмоциональный человек и может запрыгнуть на сцену, так что приходится держать за плечи, чтобы не убила. После концерта группы «Слейд» у нее такие синяки остались...

— Два писателя на одну семью — не многовато ли?

— Нет, если без зависти. А мы люди не тщеславные. Аня такой никогда не была, а из меня мафия выбила.

— То есть?

— В свое время я окунулся в коммерцию, занимался косметикой и прогорел. Взял в долг и отправился в Эмираты, а там косметика, как оказалось, дорогая. Меня поставили «на счетчик», и побежали проценты. Что особенно обидно: я деньги у знакомой брал — десять лет дружили! — а она моей распиской с бандитами расплатилась.

— Не понимала, что делает?

— Сама под них попала... Мне никогда не расплатиться, если бы не мой друг-адвокат. Он поехал к мафиози и остановил «счетчик». Рассчитывался я в Москве через посредников — весь гонорар за первую книгу отдал и все, что Аня смогла заработать. Потом поехал в Екатеринбург за распиской. Встречу мне назначили на кладбище, в подходящей атмосфере. Но расписку не вернули, позвонили через месяц: «Нужно еще». Я отрезал: «Не дам!» Тогда, говорят, жди ребят. Спустя неделю звонок: «Мы едем». И тут же еще один: это Аня позвонила из Ленинградской библиотеки. Я предупредил, чтобы она домой не торопилась... Аня тут же помчалась в милицию, и ее привезли на машине с автоматчиками. А те «ребята» так и не появились...

— И не звонили больше?

— Звонили каждый день в одно и то же время. А я им еще раньше сказал, что мой телефон на прослушивании. Ни о каком прослушивании и речи, конечно, не было, но правдоподобия ради Аня или я шелкали перед мембраной телефона степлером. Так продолжалось месяц. Потом все прекратилось. Мой товарищ наводил справки: стигнул тот бандюга, а с ним и моя расписка. Вот тогда я и понял, что тщеславие — суeta... А вообще было очень страшно.

— Эта история не сделала вас пессимистом?

— Не думаю. Хотя психику защищаю, например, не смотрю телевизор. И читаю Шолом-Алейхема. Сейчас готовлю к изданию его «Избранное». Вот с кем мне хорошо и уютно!